Наша Газета
nashagazeta.ch
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Бродский-Серебренников: два суда, одно стихотворение | Brodski-Serebrennikov : deux cours de justice, un poème

Автор: © Жорж Нива (перевод © Н. Сикорской), Женева , 30.06.2020.

Фото К. Серебренникова - (с) Ира Полярная, Гоголь-центр

Известный французский славист, почетный профессор Женевского университета Жорж Нива откликнулся на процесс, завершившийся на прошлой неделе в Мещанском суде Москвы еще до того, как приговор стал «условным».

|

Georges Nivat, slavisant, essayiste, professeur honoraire à l’Université de Genève a réagi au procès qui s’est terminé la semaine dernière au Tribunal Mechtchanski de Moscou avant que le verdict ne soit devenu «avec sursis».

Brodski-Serebrennikov : deux cours de justice, un poème

В декабре 1969 года Бродский написал изумительное, во многом пророческое стихотворение «Конец прекрасной эпохи» – это название он даст и одному из своих сборников. Стихотворение, пронизанное иронией, сарказмом и предвидением собственной смерти, будет опубликовано в парижском журнале «Континент» лишь в 1974 году.

22 июня 2020 года, полвека спустя после рождения стихотворения, в Мещанском суде Москвы слушали дело актера и режиссера Кирилла Серебренникова, обвиненного в хищении государственных средств. После того, как прокурор и адвокаты всех четырех обвиняемых закончили свои выступления, последним дали слово Серебренникову, и он завершил его… прочтением «Конца прекрасной эпохи» Бродского.

Вспомним диалог между совсем молодым Бродским и судьей Савельевой в феврале 1964 года, когда поэта обвинили в «антиобщественном паразитическом образе жизни». Этот диалог легендой вошел в историю русской литературы, как и диалог между Николаем I и Пушкиным по возращении последнего из ссылки или сцена сожжения Гоголем второго тома «Мертвых душ».

Судья: А вообще какая ваша специальность?
Бродский: Поэт. Поэт-переводчик.
Судья: А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?
Бродский: Никто. (Без вызова.) А кто причислил меня к роду человеческому?
Судья: А вы учились этому?
Бродский: Чему?
Судья: Чтобы быть поэтом? Не пытались кончить вуз, где готовят… где учат…
Бродский: Я не думал, что это дается образованием.
Судья: А чем же?
Бродский: Я думаю, это… (растерянно) от Бога…

(Вести записи во время заседания суда было запрещено. Мы обязаны этим потрясающим документом журналисту Фриде Вигдоровой, все записавшей на свой страх и риск и опубликовавшей стенограмму в самиздате под названием «Судилище».) Бродский был осужден за тунеядство. После трех недель, проведенных в психиатрической больнице, куда он был направлен на принудительную судебно-психиатрическую экспертизу, он был признан трудоспособным, хоть и «с наличием в характере психопатических черт».

Процесс возобновился 13 марта. Свидетелей защиты было трое, включая известного филолога Ефима Эткинда, – их вызвали в секретариат Союза писателей и привели к присяге. Поэта отправили на сельхоз работы в деревню Норенская.

Помилованный – возможно, благодаря действиям Эткинда, Фриды Вигдоровой, Лидии Чуковской, а также шума, поднятого вокруг этого дела на Западе левыми

интеллектуалами, включая Жан-Поля Сартра, – поэт вернулся в Ленинград в возрасте 25 лет и еще семь лет провел в СССР. В этот период он живет за счет поэтических переводов, его собственные стихи публикуются мало. Тем не менее, то были плодотворные годы, поскольку он работает над первым своим большим сборником, «Остановка в пустыне», а затем над сборником «Конец прекрасной эпохи». Режиссер Станислав Говорухин воспользуется этим названием для своего последнего фильма, снятого в 2015 году.

Стихотворение, давшее название сборнику, относится к «сложным» творениям поэта, «настоящим ребусам», о которых Солженицын отзывался без симпатии, когда, позже, писал свой текст о Бродском для своей «Литературной коллекции». В нем он обширно цитирует это стихотворение, как одно из наиболее «замкнутых на себе» и одно из первых, отмеченных навязчивыми идеями бегства и смерти. Насчет «замкнутости на себе» можно спорить, а вот идея смерти очевидна. Поэт объявляет себя лишенным тщеславия и, с долей часто встречаемого у него самоуничижения, называет себя послом не сразу понимаемой нами державы, имя которой – Поэзия.

Эта держава, которую он связывает с другой, – «второсортна». Мы видим ее посла, «глухого, лысого, угрюмого», чешущим кота и спускающимся в киоск за вечерней газетой. В газете он читает сообщение о валовом объеме чугуна и свинца. Но «жить в эпоху свершений <> к сожалению, трудно». Да еще пять других частей мира, кажется, не замечают шестой, части свершений… Лысый, глухой и угрюмый поэт хотел бы державу свершений покинуть. И он не первый русский поэт, мечтающий о бегстве – достаточно вспомнить стихотворение Пушкина «Странник», вдохновленное Джоном Беньяном.

Возможно, Бродский не является учеником Христа, но думает он о нем часто. Что делать? Может, сбежать, пройдя по воде как известный житель Назареи? Или спрятаться на торговом судне среди капусты и угля? В стихотворении одиннадцать строф, вот четыре последние:

То ли пулю в висок, словно в место ошибки перстом,то ли дернуть отсюдова по морю новым Христом.Да и как не смешать с пьяных глаз, обалдев от мороза,паровоз с кораблем – все равно не сгоришь от стыда:как и челн на воде, не оставит на рельсах следаколесо паровоза.Что же пишут в газетах в разделе "Из зала суда"?Приговор приведен в исполненье. Взглянувши сюда,обыватель узрит сквозь очки в оловянной оправе,как лежит человек вниз лицом у кирпичной стены;но не спит. Ибо брезговать кумполом сныпродырявленным вправе.Зоркость этой эпохи корнями вплетается в тевремена, неспособные в общей своей слепотеотличать выпадавших из люлек от выпавших люлек.Белоглазая чудь дальше смерти не хочет взглянуть.Жалко, блюдец полно, только не с кем стола вертануть,чтоб спросить с тебя, Рюрик.Зоркость этих времен – это зоркость к вещам тупика.Не по древу умом растекаться пристало пока,но плевком по стене. И не князя будить – динозавра.Для последней строки, эх, не вырвать у птицы пера.Неповинной главе всех и дел-то, что ждать топорада зеленого лавра.

Ребус, как говорит Солженицын, – да, и необходимы хоть минимальные пояснения. Древнерусский эпос «Слово о полку Игореве» уже в первой своей строфе объявляет, что негоже этому «Слову» начаться «по вымыслам Бояновым», этого славянского Гомера, «растекаясь мыслью по древу», бегая как волк и летая как орел. Рюрик, основатель первой царской династии в древней Руси, которая закончился с Иваном Грозным и первым «смутным временем», не отвечает вертящимся столам. Иными

словами, то, что сулит нам «зоркость этой эпохи», нам неведомо. Зато ведомо, что судит эта эпоха поэту, да и кто в России этого не знает? Насильственные смерти Пушкина, Лермонтова, Есенина, Маяковского, Мандельштама и еще сотни других отвечают на этот вопрос: топор палача и зеленый лавр.

Новая страница в истории этого стихотворения открылась в понедельник, 22 июня 2020 года. В этот день в Мещанском суде Москвы начался повторный процесс актера, театрального и кинорежиссера Кирилла Серебренникова, одного из самых новаторских, бунтующих и противоречивых даже среди нынешнего авангарда. В «Гоголь-центре», директором которого он был назначен в 2012 году, он создал, в 2014-м, знаменитую «Платформу», где студенты театральных вузов могли позволить себе самые смелые эксперименты. Тогдашний министр культуры Александр Авдеев дал на это согласие и выделил средства. «Платформой» было создано более трехсот спектаклей и перформансов. А потом Авдеева сменил министр Владимир Мединский (которого в январе 2020 года сменила Ольга Любимова), с его формулой «эксперименты за свой счет». Три года спустя, в мае 2017 года, разразилось дело «Платформы»: в течение трех лет Серебренников, еще трое руководителей «Гоголь-центра» и сотрудница министерства культуры подвергались обыскам, после чего им было выдвинуто обвинение – в создании платформы в целях мошенничества на миллионы рублей в ущерб министерству культуры. Первый процесс состоялся осенью 2019 года, второй – в июне 2020-го.

И вот Серебренников последним взял слово в последний его день, после прокуроров и адвокатов защиты. «Идея «Платформы» – это, прежде всего, идея свободы художественного высказывания, идея многообразия видов жизни, утверждение сложности мира, его разнообразия, его молодости и обаяния в этом разнообразии, это про надежду на изменения». Он говорил о 340 проведенных «Платформой» театральных экспериментах, о тысячах увидевших их и принявших в них участие зрителях. Для него сфабрикованное «театральное дело» и этот повторный процесс, – грустный эпилог 340 премьер «Платформы». В заключение Серебренников предложил последний «перформанс» – декламацию «Конца прекрасной эпохи» Бродского. У стихотворения Бродского и прочитавшего его режиссера одинаковый возраст – пятьдесят лет.

швейцарская культура
Статьи по теме
«Свободу Кириллу», или Так поступают не все
Жаркое северное «Лето»
Женевский след Иосифа Бродского

Source URL:
https://nashagazeta.ch/news/culture/brodskiy-serebrennikov-dva-suda-odno-stihotvorenie